

Евгений **РОСТОВЦЕВ**, кандидат исторических наук
Дмитрий **СОСНИЦКИЙ**

ЧЕЛОВЕК И ЛЕГЕНДА

*Почему Столыпин попал в пантеон российских героев?**

В проекте «Имя России», организованном ВГТРК в 2008 году, телезрители выбирали героев отечественной истории, её главных фигур. Голоса распределились следующим образом: 1. Александр Невский — 524 575; 2. **Столыпин** — **523 766**; 3. Сталин — 519 071; 4. Пушкин — 516 608; 5. Пётр I — 448 857; 6. Ленин — 424 283; 7. Достоевский — 348 634; 8. Суворов — 329 028; 9. Менделеев — 306 520; 10. Иван IV Грозный — 270 570; 11. Екатерина II — 152 306; 12. Александр II — 134 622¹.

В тот момент результаты опроса вызвали определённый скепсис. В частности потому, что согласно опросу фонда «Общественное мнение», проведённому в том же 2008-м, Александр Невский занимал 14-ю позицию в рейтинге наиболее значимых исторических персонажей, указанных респондентами, а Столыпин не входил даже в первую «двадцатку»². Фальсификация казалась явной: «именем России» должен был стать, но во избежание скандала не стал товарищ Сталин. Ниже мы попытаемся разобраться, насколько обоснованы эти различия с научной точки зрения и какое действительно место в исторической памяти может занимать премьер-министр императорского правительства бурной эпохи 1906–1911 годов. Для этого необходимо выявить основные черты и этапы формирования «мифа» о Столыпине в коллективной памяти российского общества.

ИСТОКИ ЛЕГЕНДЫ

Формирование мифа о Столыпине началось ещё при жизни премьера как его политическими оппонентами, так и

П. А. Столыпин. 1902 г.

сторонниками³. Противники Петра Аркадьевича — крайние националисты, радикальные либералы и социалисты — создавали на страницах подконтрольной им оппозиционной печати весьма непривлекательный образ. Вот, например, одна из многочисленных нападок лидера большевиков Ленина на Столы-

пина и его политику: «Как хочет переделывать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников

*Статья написана при поддержке финансирования по Тематическому плану НИР СПбГУ (тема 5.0.151.2010, руководитель — А. Ю. Дворниченко). В работе использованы материалы проекта, в котором принимали участие авторы в 2008–2009 гг., «Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ», СПбГУ (при поддержке фонда «Вехи эпох», руководитель — Д. О. Цыпкин).

из крестьянских богатеев. Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над десятками миллионов, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, столыпинская «реформа» проводиться не может»⁴.

Заметим, что для Владимира Ильича здесь, как и в других характеристиках премьера, важна не столько личность, сколько политическая и классовая линия правительства Петра Аркадьевича. Ленинские оценки предопределили содержание высказываний о «столыпинских реформах» в советском политическом и историографическом дискурсе.

Ещё до ленинской брани кадет Фёдор Измайлович Родичев изобрёл выражение «столыпинский галстук»⁵. Помимо либералов, резкой критике подвергали премьера многие черносотенцы и даже умеренные националисты — якобы за недостаток «национального» начала в политике⁶. В этом смысле характерно само название первой книги о Столыпине, вышедшей из-под пера черносотенца В. П. Соколова, — «Страшная правда»⁷.

Одновременно уже при жизни премьера возникали мифы о его «бесстрашии», «мудрости», «твёрдости», которые транслировались прежде всего на страницах подконтрольной правительству печати. Образ Столыпина, сформированный при его личном деятельном участии, — пример первой «пиар-кампании» власти, проводимой в условиях относительно свободного цензурного режима, порождённого революцией 1905–1907 годов. Зримым результатом этой кампании и прижизненным «памятником» новому премьеру стало издание «Председатель Совета министров Пётр Аркадьевич Столыпин» (СПб. 1909). Оно было составлено Е. В. Варпаховской и представляло собой своеобразный дайджест высказываний официальной прессы о Столыпине и пересказов уже выработанных в официальном дискурсе стереотипов. Картина, данная в компиляции Варпаховской, содержит уже почти все элементы будущего мифа (в скобках мы приводим страницы из книги 1909 года).

Столыпин — сын севастопольского героя, выпускник Петербургского университета — благодаря служебному опыту, симпатиям людей, которыми руководит, и способностям достигает власти (с. 252–354). Пётр Аркадьевич — «очень

крепкого сложения и прекрасного здоровья. Работоспособность его удивительна. С самого раннего утра и до поздней ночи он работает, не признавая утомления» (с. 273). Премьер работает допоздна, всегда ровен и спокоен с подчинёнными, вежлив, аккуратен и чётко образован, в совершенстве владеет иностранными языками, любит прогулки и пение птиц и не любит путаницы и нечёткости в работе, однако простить не может в людях только одного — лжи (с. 273–275). Столыпин спокоен в экстремальных условиях — в момент покушения думает только о деле, детях, Боге и государе (с. 5–7). Пётр Аркадьевич посвящает себя борьбе с мятежами (с. 22), за землю для крестьян (с. 22, 24) и за политическую свободу (с. 25) — «истинную свободу и порядок, возведённых с высоты престола» (с. 26). Столыпин за правовое государство, за исполнение норм Манифеста 17 октября, веротерпимость и неприкосновенность личности, последовательные реформы, но он говорит разрушителям и изменникам России: «Не запугаете!» (с. 26–45). Его правительство «чисто русское» — стойкое и либеральное (с. 45–47), а сам премьер — «герой-рыцарь, которого ждёт царь для спасения России» (с. 52). Одновременно Столыпин — человек, не боящийся нарушить формальную букву закона для спасения государства (с. 54–57).

ПОКУШЕНИЕ 1 СЕНТЯБРЯ

Отклики на трагическую смерть Столыпина на первый взгляд не изменили его образа в русском обществе, а лишь повторили основные мнения и оценки, даваемые с позиций разных политических сил. Так, «Русское знамя» — печатный орган Союза русского народа — замечало: «Мы неустанно боролись... против минувших ошибок П. А. Столыпина»⁸.

«Столыпин не представлял собой лицо, про которое можно было бы сказать: «Это государственный деятель». С достаточно скромным развитием, не будучи выдающегося ума, он большую часть своей жизни провёл в провинции... Политику — сидения между двух стульев — принял на себя Столыпин и её держался вплоть до самой кончины, с тем лишь различием, что вначале пребывания у власти он клонил влево, заискивая расположение республиканских кругов, а в последнее время попятился значительно обратно, стремясь сохранить в своих руках уже ускользавшую от него власть, каковую всё-таки так и не удержал»⁹.

В кадетской «Речи» находим почти аналогичные критичные суждения: «Мы

всегда боролись с политикой Председателя совета министров, были его последовательными политическими противниками, но цель наша и состояла прежде всего в том, чтобы навсегда из русской жизни исчезли кровавые ужасы, исчезли кровавые политические преступления»¹⁰. «Всем уже было ясно, что Столыпин совершенно исчерпал себя. Он остался у власти безо всякой программы. О превращении России в «правовое государство» перестали и говорить»¹¹.

Ленин откликнулся на смерть Столыпина в газете «Социал-демократ», где дал развёрнутую характеристику его политической деятельности. Эта статья — «Столыпин и революция» — стала базой для формирования официального политического и историографического дискурса советской эпохи. На страницах ленинской статьи Столыпин предстаёт «вешателем», представителем своего класса — дворянства. В интересах этого класса и монархии, согласно Ильичу, он не мог поступать иначе, чем поступал: «Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту буржуазную политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, ища себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути»¹².

Власть и особенно сторонники Петра Аркадьевича, как и следовало ожидать, в связи с его трагической смертью организовали серию памятных мероприятий, нашедших отражение не только в пышных похоронах погибшего премьера, но и воздвижении ему памятника, многочисленных скорбных и прочувствованных публикациях и адресах. Надо отметить, что «ореол мученика» стал формировать вокруг ушедшей фигуры новое пространство памяти.

Приведём несколько характерных высказываний. «В критическую минуту он спас от развала русскую государственность, направил её в спокойное русло и своей грудью, своей кровью защищал её от ударов и подкопов со стороны врагов России. Мы понимаем, что эта выполненная им задача должна была вызвать ожесточённую ненависть революционных шаек, но она же вызвала к нему глубокое уважение и искреннюю любовь

всего честного русского общества, которое понимает и ценит его неустанную борьбу за благо России и русских»¹³. «...Пред таким отвратительным злодейством можно смело говорить о негодовании всей России, за исключением тех революционеров, снисхождение к которым составляет главную ошибку Петра Аркадьевича... Сам же П. А. Столыпин, к сожалению, слишком верит в разум и свободу, чтобы представить себе всю безграничность революционного произвола»¹⁴. «Прошло едва пять лет со времени ужасного взрыва на Аптекарском острове, когда судьба чудесно сохранила для России одного из лучших сыновей её, в предвидении его будущих великих трудов на укрепление престола и на успокоение Родины, — как подлая рука на светлом торжестве в Киеве, в присутствии государя императора, выпустила две пули в П. А. Столыпина. Убийца знал, на что поднимал он руку. Он поднял её на самоотверженного, честного и бесстрашного исполнителя государевых предначертаний. Он поднял её на сильного и убеждённого носителя нашей

народной идеи, защитника русской народной идеи, защитника русского народа. Он поднял её на неумолимого врага подлой, пресмыкающейся смуты, всеми средствами пытающейся разрушить Империю и стереть со страницы истории величие русского имени»¹⁵.

А вот что говорил при погребении Петра Аркадьевича настоятель Киево-Сретенской церкви протоиерей Климент Чемена: «Глубокий ум, с таким успехом проводивший в жизнь светлую идею оздоровления России, теперь почил от дум своих; могучая воля, направлявшая кормило государственного корабля по верному руслу, по прямому пути здорового русского национализма и поставлявшая неодолимую преграду всем выступлениям вражьих сил, склонилась ныне долу; благородное русское сердце, одушевляемое всегда одной только чистой любовью к Царю, к Отечеству, к народу, увяло, перестало биться и умолкло... Великий человек стал прахом, уничтожен до смерти»¹⁶.

П. А. Столыпин — саратовский губернатор в поездке в город Камышин. 31 августа 1903 г.

Еженедельный в ту пору журнал «Родина» выпустил бесплатное приложение, в котором подчёркивалась «нерусская душа» убийцы: «Безумным ужасом веет от этого злодейского преступления, доказывающего воочию, что есть у России враги, не останавливающиеся решительно ни перед чем, чтобы только нанести нашей многострадальной родине возможно непоправимый вред. П. А. Столыпин — светлейший государственный деятель нашего кошмарного времени. Он — пока единственный паладин только что народившихся русских свобод. С рыцарской самоотверженностью защищал он их от нападения отовсюду — сверху и снизу, справа и слева. Неоднократные покушения на его жизнь, даже такое кошмарное, как взрыв на Аптекарском острове, не уstraшили его. Он творил своё святое дело: он сеял в истощённой ниве разумное, доброе, вечное, холя и лелея посеянные семена, и только нерусская душа могла заставить подняться на него нерусскую руку»¹⁷.

Этот ряд цитат из текущей периодики

и литературы почти бесконечен. Разумеется, уже тогда речь шла о чём-то большем, нежели о создании образа великого политика, явившегося для спасения нации в трудную годину. Трагическая гибель Столыпина заставила умолкнуть часть несогласных с конкретными аспектами его политического курса. Так, один из критиков национальной политики премьера заявил: «Смерть Столыпина налагает печать и на наши уста: смерть искупает и не такие ошибки. Он был великий и великодушный человек. Такие министры редки: они делают эпоху в жизни государства»¹⁸.

Характерно, что революционным лагерем было оперативно организовано чествование памяти казнённого Дмитрия Богрова — убийцы Столыпина¹⁹. Нельзя не отметить, что «революционный пантеон» — основа «освободительной версии» национальной памяти — формировался вокруг регулярных акций, связанных с чествованием памяти деятелей общественного движения — Николая Добролюбова, Виссариона Белинского, Дмитрия Писарева, Николая Шелгунова, Тараса Шевченко и иже с ними. В 1910 году прошли по крайней мере две подобных акции всероссийского масштаба — памяти одного из лидеров радикального либерализма, председателя I Государственной думы профессора Сергея Муромцева и лидера «духовной оппозиции режиму» Льва Толстого²⁰.

Сам же Столыпин органично вписывался в пантеон российских национальных героев, альтернативный революционному. Приведём в этой связи фрагмент одной из публикаций, посвящённых памяти Столыпина, вышедших в связи с 5-летием со дня его убийства в 1916 году: «Столыпин будет причислен в недалёком будущем к бесспорным величинам истории. А этим много сказано. Бесспорными, в их значении, я считаю Петра, Ломоносова, Суворова, Александра II, Менделеева. Спорными я вижу Александра I, Сперанского, Николая I, Плеве, Монасеина²¹, Льва Толстого»²².

«ЗАБЫТЫЙ ИСПОЛИН»?

Революционные события 1917 года поставили на повестку задачу создания нового мемориального континуума, новых представлений об истории, движение которой своим закономерным итогом должно было иметь мировую революцию. В обновлённом порядке памяти не было места героям старой России от Александра Невского до Скобелева, от Ушакова до Витте²³. В научной и публи-

П. А. Столыпин на закладке памятника погибшим 12 августа 1906 года при взрыве его министерской дачи на Аптекарском острове. 12 августа 1907 г.

цистической литературе 1990–2000-х годов порой высказывались мнения о том, что Столыпин был «забыт»²⁴. Между тем Пётр Аркадьевич забыт не был: парадоксально, но память о нём поддерживалась в рамках того самого образа, который он сам создавал при жизни, — слуги и защитника царского режима. Показательно в этой связи, что частичная реабилитация русских национальных героев в сталинскую эпоху Столыпина не затронула. Напротив, в «Кратком курсе» 1938 года образ, созданный Лениным ещё до революции, нашёл своё логическое завершение: «Царский министр Столыпин развёртывал свою кровавую расправу над рабочими и крестьянами. Тысячи революционных рабочих и крестьян были расстреляны карательными экспедициями и повешены. В царских застенках мучили и пытали революционеров... Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал повсюду. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров. Виселицу в то время называли «столыпинским галстуком»... Царское правительство выдавало кулакам значительные ссуды для покупки земли и устройства хуторов. Из кулаков Столыпин хотел сделать маленьких по-

мещиков, верных защитников царского самодержавия. Всего за девять лет (с 1906 по 1915 год) из общины выдано свыше двух миллионов домохозяев. Столыпинщина ещё более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Расслоение крестьянства усилилось. Начались столкновения крестьян с кулаками-хуторянами... Годы столыпинской реакции особенно отличались разбойничьими набегами жандармов и полицейских, царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс... Меншевики готовы были примириться со столыпинским режимом, приспособиться к нему. Поэтому ликвидаторов называли ещё «столыпинской рабочей партией»... Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Стала исчезать усталость рабочих, навеванная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу»²⁵.

В этом контексте Столыпин, «столыпинская реакция», «столыпинские репрессии» прочно вошли в школьные и вузовские тексты. Примечательно, что основным концептом всё же стали не эти формулы, а «столыпинская аграрная реформа», которая рассматривалась в школьных программах и учебниках наиболее подробно как вы-

ражение закономерного с точки зрения марксистско-ленинской теории стремления буржуазно-помещичьего режима перевести сельское хозяйство на капиталистические рельсы. Хотя и подчёркивалось, что реформа, проводимая вопреки интересам большинства крестьянства, потерпела крах.

Эти положения, нашедшие отражение в 1930–1940-е годы на страницах учебников А. В. Шестакова, А. М. Панкратовой, П. И. Кабанова, К. В. Сивкова²⁶, были базовыми для школьной программы и на протяжении десятилетий изменений не претерпевали²⁷. Так, в позднесоветский период на страницах учебника И. Б. Берхина и И. А. Федосова, выдержавшего в 1970–1980-е годы более десяти изданий, столыпинская реформа рассматривалась как фактор, ускоривший развитие капитализма в сельском хозяйстве и, таким образом, усиливший классовые противоречия в деревне (предпосылка революции)²⁸.

Такое отношение к Столыпину нашло выражение как в историографии, так и в художественной литературе. Несомненны заслуги советской историографии в исследовании конкретных сюжетов, связанных с жизнью и деятельностью Столыпина: стоит в первую очередь отметить работы С. М. Дубровского, А. Я. Авреха, С. М. Сидельникова, В. С. Дякина и других историков. Между тем, вводя в оборот огромный фактический материал, они оставались в рамках господствующих воззрений, а основной темой их занятий являлась аграрная реформа. Характерно, однако, что даже такой убеждённый марксист, как Арон Яковлевич Аврех (1915–1988), исследуя «столыпинский бонапартизм», относился к своему герою с определённым сочувствием.

Показательны характеристики Столыпина, данные в популярной исторической беллетристике брежневских времён. В целом позитивные оценки «реакционера» содержатся в текстах одного из самых читаемых авторов последней четверти прошлого века — Валентина Саввича Пикуля (1928–1990), в частности в романах «Нечистая сила» (1979) и «Честь имею» (1986). Вот отрывок из «Нечистой силы», в котором на фоне разлагающейся российской бюрократии Пётр Аркадьевич представлен личностью прямо-таки выдающейся: «Столыпин думал: «Странные типы окружают меня». Сейчас ему было 44 года... Человек ещё крепкий. Молодцеват. Всегда при галстуке. Воротничок с лиселями. Кончики усов залихватски вихрились, вздыблены. Столыпин выделялся из тол-

пы, был чрезвычайно колоритен. Именно он составлял сейчас фон власти, на котором фигурка Николая II казалась мелкой и жалкой, словно карикатура на самодержавие. Пётр Аркадьевич Столыпин был реакционен до мозга костей, но порою он мыслил радикально, сияясь разрушить в порядке вещей то, что до него оставалось нерушимо столетиями. Карьера Столыпина вписывалась в русскую историю звончато, как мелодия гвардейского марша. Этот реакционер был цельной и сильной натурой — не чета другим бюрократам; угловатая и резкая тень Столыпина заслоняла царя, терявшегося в неуютных сумерках бездарности...»²⁹

ПОЧЕМУ СТОЛЫПИНУ «ПОВЕЗЛО»?

В постсоветской историографии уже не раз отмечалось, что Столыпину «повезло», поскольку к его образу в посткоммунистическую эпоху в равной степени апеллируют и национал-патриоты, и либералы в поисках политического идеала³⁰. Начиная с 1991 года вновь многократно переиздаются тексты его публичных выступлений³¹. Основной круг источников коллективной памяти 1990–2000-х годов рисует позитивный образ Петра Столыпина. Важно, что в школьных учебниках истории 1990–2010-х годов даётся в целом положительная оценка деятельности Столыпина³². Хотя в ряде случаев и не без оговорок, связанных с тем, что результаты реформ с точки зрения социальных и политических последствий были неоднозначными³³. Тот же образ транслируется в документальных и художественных кинофильмах, идеологическое содержание которых в целом также различно (укажем, например, на документальный фильм «Николай II» из проекта Леонида Парфёнова «Российская Империя», художественные ленты «Столыпин. Невыученные уроки» и «Империя под ударом»).

Разумеется, можно предположить, что эти источники сами в какой-то степени реализуют социальный (и политический) заказ на создание позитивного образа Столыпина. Однако аналогичную картину даёт и выборка среди наиболее читаемых в течение последней четверти века нарративных источников, многие из которых были созданы ещё в советский период. При этом среди текстов, транслирующих преимущественно позитивный образ Столыпина, присутствуют работы авторов, очевидно имеющих очень разное видение истории России в целом, — Константина Федина, Анато-

лия Рыбакова, Пикуля, Василия Ключевского, Александра Солженицына, Эдварда Радзинского и других³⁴. Несмотря на то, что рейтинг Петра Аркадьевича среди исторических личностей, отражённых в наиболее читаемых текстах, не очень высок (13–17 позиция), нет ни одного популярного текста, в котором его образ носил бы ярко выраженный негативный характер. Таким образом, Столыпин очевидно является местом консенсуса исторической памяти.

Первоначально образ Столыпина формировался под влиянием идеологической пропаганды различных общественно-политических сил. Ещё при жизни премьера основными элементами его образа были русский националист, государственный деятель, борец за свободу, слуга царя, защитник помещиков и вершитель буржуазных реформ. Реальная политика не могла вместить столь различные исторические формулы: в литературе общим местом является утверждение о том, что к моменту гибели Столыпин оказался в политической изоляции. Однако превратить слабые места (внутренние противоречия) в сильные позволила смерть: каждая политическая сила отныне могла конструировать память о премьере по-своему, без оглядки на политические метания ушедшего героя.

Примечательно, что один из наиболее системных образов Столыпина был создан его радикальными политическими оппонентами — большевиками. Этот образ отводил ему поистине историческую роль человека, безуспешно пытавшегося спасти целую социально-экономическую формацию. Такой подход обеспечил сохранение памяти о Столыпине как о выдающемся политическом деятеле. Неудивительно, что в момент краха марксистской исторической парадигмы общественное сознание естественным образом обратилось к этой фигуре и сразу же оказалось в плену медийного образа, созданного ещё в начале XX века, а Столыпин оказался местом консенсуса национальной памяти в почётном ряду с Пушкиным, Толстым и Александром Невским. С этой точки зрения весьма закономерно, что Сталин, «отец народов» (который, несмотря на свою популярность, всё же является ярко выраженным конфликтным объектом исторической памяти), уступил в соревновании за «имя России» «серебро» «премьеру-богатырю».

П. А. Столыпин среди других лиц на Полтавских торжествах перед оградой братской могилы. 27 июня 1909 г.

Примечания

- Имя России Режим доступа: <http://www.nameofrussia.ru/> Дата обращения: 30.01.2012
- Согласно опросам 2011 г., проведённым среди студентов Петербурга в рамках серии исследовательских работ в области исторической памяти, организуемым на историческом факультете СПбГУ, Столыпин занимает 18–19 место среди наиболее значимых персонажей российской истории (за помощь в организации анкетирования авторы благодарят доц. СПбГИ (ТУ) И. П. Потехину).
- Обзор многочисленной литературы см., напр.: Сидорович Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. М. 2007. С. 3–16.
- Ленин В. И. Что делается в деревне// ПСС. Т. 20. М. 1967. С. 77.
- Речь Ф. И. Родичева в Государственной Думе. Созыв 3. Сессия 1. Заседание 8. 17.11.1907//Ораторы России в Государственной думе: В 2-х т. Т. 2. М. 2004. С. 294.
- См., напр.: Аронсон Г. Я. Россия накануне революции. Исторические этюды: монархисты, либералы, масоны, социалисты. Н.-У. 1962; Ср.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М. 2001. С. 56.
- Соколов В. П. Страшная правда. Обзор управления П. А. Столыпина. СПб. 1907.
- Русское знамя. 1911. 3 сентября. № 197. С. 1.
- Русское знамя. 1911. 8 сентября. № 201. С. 1.
- Речь. 1911. 2 сентября. № 240. С. 1.
- Речь. 1911. 6 сентября. № 244. С. 2.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. М. 1967. С. 329.

- Голос Москвы. 1911. 3 сентября. № 203. С. 1.
- Покушение на жизнь П. А. Столыпина// Московские ведомости. 1911. 3 сентября. № 202. С. 1.
- Скрипицын В. А. Богатырь мысли, слова и дела. Посвящается памяти Петра Аркадьевича Столыпина. СПб. 1911. С. 47.
- Речь при погребении П. А. Столыпина, произнесённая настоятелем Киево-Сретенской церкви, протоиерем Климентом Чеченой. Киев. 1911. С. 2.
- П. А. Столыпин//Родина (бесплатное приложение к журналу «Родина»). 1911. 11 сентября. № 37. С. 1.
- Еропкин А. П. А. Столыпин и Указ 9 ноября. Лекция, читанная в Москве и Петербурге. СПб. 1912. С. 15.
- Тов. министра вн. дел Курлов — министру народного просвещения Л. А. Кассо, 26 сентября 1911 г.//РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 336. Л. 14–15.
- О формировании революционного пантеона см.: Ростовцев Е. А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв.//КЛИО. Журнал для учёных. 2011. № 4 (54). С. 89–99.
- Правильнее Манасеин Николай Авксентьевич (1834–1895) — министр юстиции в 1885–1894 гг.
- Вещий Олег. Последний Витязь. Пг. 1916. С. 12–13.
- См., напр.: Малышева С. Ю. Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х гг.//Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М. 2008. С. 682–710; Еремеева С. А. Монументальные практики коммеморации

- в России XIX — начала XX века//Образы времени и исторические представления: Россия—Восток—Запад/Под ред. Л. П. Репиной. М. 2010. С. 911–927.
- Дьяков И. Забытый исполин//Наш современник. 1990. № 3. С. 131–142.
- Краткий курс истории ВКП(б). М. 1938. С. 87–88, 93–94, 96, 130, 149.
- Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов/Под ред. проф. А. В. Шестакова. М. 1937. С. 136; История СССР. Учебник для X класса средней школы/под редакцией А. М. Панкратовой. М. 1941. С. 74–76; История СССР: учебник для педагогических училищ. М. 1948. Ч. 2. С. 134–136.
- См., напр.: Программа для общеобразовательных школ взрослых повышенного типа. История России и СССР. М.; Л. 1933. С. 15; Программа для неполных средних и средних школ взрослых. Новая история, история СССР. М. 1940. С. 58; Программы средней школы. История СССР. Новая история. М. 1948. С. 26; Программы средней школы на 1958–1959 учебный год. История СССР. Новая история. М. 1958. С. 37.
- См., напр.: Берхин И. Б., Федосов И. А. История СССР. Учебник для 9 класса. 6-е изд. М. 1981. С. 79–88.
- Пикуль В. Нечистая сила. М. 2008. С. 141.
- Одним из первых это обстоятельство отметил Яков Лурье в яркой работе, посвящённой Льву Толстому и его взаимоотношениям с деятелями русского общества. См.: Лурье Я. С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб. «Дмитрий Буланин», 1993 (глава «Толстой

- и Столыпин»). Библиотека Book Finder. Режим доступа <http://bookfi.org/book/139928> Дата обращения: 30.01.2012
- В высшей степени показательно, что первое издание речей Столыпина с предисловием видного советского историка К. Ф. Шацлло было издано уже в начале 1991 г. тиражом 100 000 экз. (Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг. М. 1991).
- См., напр.: Отечественная история XX — начала XXI века: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений/[А. О. Чубарьян, А. А. Данилов, Е. И. Пивовар и др.]; под ред. А. О. Чубарьяна. М. 2004. С. 27–31; Горинев М. М., Горский А. А., Данилов А. А. и др. История России с древнейших времен до начала XXI века: Учебное пособие для студентов вузов. 6-е изд., пересмотр. М. 2005. С. 255–275.
- См., напр.: Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. История России, XX — начало XXI: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. 9-е изд. М. 2004. С. 60–75; История России (IX — начало XXI в.)/Под ред. А. Ю. Дворниченко и В. С. Измозика. 3-е изд., испр. и доп. М. 2005. С. 247–253.
- В основе подсчётов выборка из более 1000 наиболее популярных источников (текстов) художественной и социально-политической литературы по 10 тематически-хронологическим выборкам, охватывающим период с 1965 по 2007 г., при этом основным предметом исследования стал круг источников в период с 1986 по 2006 г.